

Е. А. КОСТЮХИН

1920-е ГОДЫ: СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СКАЗКОВЕДЕНИЯ

Название статьи способно вызвать недоумение у многих фольклористов, так как сказки находились в поле зрения корифеев нашей науки: Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. А. Котляревского, А. Н. Пыпина. Работы о сказке составили целый том собрания сочинений А. Н. Веселовского. В области собирания и изучения сказки в России было сделано очень много; так, например, историографическая работа С. В. Савченко насчитывала более 500 страниц.¹ Русское сказковедение прошло славный путь. Почему же автор статьи отнес его формирование к 1920-м гг.? Отнюдь не по тем причинам, которые сформулировал В. Я. Пропп, давая оценку научного наследия А. И. Никифорова: «Его деятельность падает в основном на двадцатые и тридцатые годы, когда основы дореволюционной методологии рушились, а новая методология еще не была найдена».² Здесь все неточно: и не было никаких «основ дореволюционной методологии» в изучении сказок, и не было никаких перспектив единой методологии (которой, разумеется, должен был стать «подлинный» марксизм). Точно другое — это и в самом деле была эпоха формирования, происходившего в напряженных поисках.

Говоря о формировании сказковедения в 1920-е гг., мы далеки от пренебрежительного отношения к классическому наследию. Было высказано немало плодотворных идей и смелых гипотез: то П. Бессонов объявлял сказку «аллегорией отношений русского народа в кочевую пору жизни», то мифологическая школа увидела в сказках осколки древнейших мифических сказаний, то компаративисты предложили искать источники наших сказок в Индии. Даже

¹ Савченко С. В. Русская народная сказка. (История собирания и изучения). Киев, 1914.

² Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л., 1961. С. 5.

глава исторической школы В. Ф. Миллер, скептически оценивавший компаративистские изыскания («ловить ветер в поле»), создал изящный этюд об истории сказочного сюжета — «Всемирная сказка в культурно-историческом отношении».³

И все же XIX в. не создал ни одной школы в деле изучения сказок. Перед нами некая совокупность работ, которые мы выстраиваем в определенный ряд, подчиняя так или иначе сконструированной логике научного развития. В самом деле эту логику можно конструировать по-разному (вплоть до пресловутого представления сталинских времен о «революционно-демократической» фольклористике, отцом которой был объявлен В. Г. Белинский, и «буржуазных школах», зашедших, разумеется, в тупик), но в сказковедении XIX в. не было именно школы. Все сказковедческие исследования стоят особняком; нет учителей и учеников, потому что не складывается методика исследования. И в этом отношении изучение сказок явно уступает исследованию былин: там сложились школы и направления, там есть признанные учителя и авторитеты.

Положение изменилось в начале XX в. Пора универсальных гениев прошла, но в целом наука о фольклоре 1910-х гг. находилась на более высоком уровне, представляя, по словам Т. Г. Ивановой, «развитую, многонаправленную систему»: «...сформировались различные течения и направления, придавшие фольклористике ту многозвучность и разноликость, которой ей явно не хватало в предшествующие эпохи».⁴ Были заложены основания различных школ: этнографической, которая скажет свое слово через четверть века (Е. Н. Елеонская),⁵ историко-географической.⁶

И не только основания. Сказковедческие исследования приобрели, так сказать, «инерцию плюрализма»: появляются не только новые идеи, но и новые школы, новые направления. Расцвет отечественного сказковедения пришелся именно на 1920-е гг. Ни одна из фольклористических школ не претендовала на звание «единственно верной». «Борьба» за усвоение марксистского метода уже началась, но фольклористики в 1920-е гг. она еще серьезно не коснулась, за исключением, пожалуй, только былин. Пора идеологических погромов еще не наступила. Речь идет не только о школах, но и о направлениях. Иные концепции собирали под свои знамена немало сторонников, другие ждали своей реализации несколько десятилетий, когда их «востребовала» уже новая эпоха. Главное — ни одна

³ Русская мысль. 1893. № XI.

⁴ *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 6.

⁵ См. современное переиздание ее работ начала века: *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994.

⁶ Первый классический труд этого направления в России: *Андерсон В. Н.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914.

из них не была бесплодной. Вовсе не идеализируя 1920-е гг. (как это часто бывает, особенно по контрасту с последующим десятилетием), отметим главную особенность нашего сказковедения тех лет: оно свободно от идеологического диктата.

Тем не менее влияние марксизма на общественные науки сказалось и в сказковедении. Актуально направление, которое можно назвать социологическим. Оно не было новым в русской фольклористике. Еще Николай Добролюбов упрекал А. Н. Афанасьева в том, что тот не уделил достаточного внимания роли сказки в народной жизни. Собиратели начала XX в. (Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин, братья Б. и Ю. Соколовы) снабжали свои собрания обширными вступительными статьями, отвечавшими на самые разнообразные вопросы, касающиеся социальной роли сказок. 1920-е гг. свободны от капитальных собраний с развернутыми вступительными статьями. Нет и крупных исследований в этой области. Но важность проблемы осознается многими сказковедами, в первую очередь А. И. Никифоровым. Разносторонность интересов этого ученого выделяет его среди современников, и нам еще не раз придется называть его имя среди сторонников разных направлений в изучении сказок.⁷

А. И. Никифоров был выдающимся собирателем: его экспедиции в Заонежье, на Пинегу и Мезень в 1926—1928 гг. принесли более 500 сказок.⁸ В экспедицию на Русский Север молодой ученый ехал с твердым убеждением: «Сказка существует не для записей или чтения, а для живого устного произнесения в кругу слушателей».⁹ У Никифорова, стало быть, сложилась определенная программа не только собирательской, но и исследовательской работы. Собранная коллекция поставила перед ученым несколько проблем, в первую очередь — какую социологическую информацию должен содержать сказочный сборник. И пусть Никифорову не довелось увидеть свое собрание напечатанным, упомянутые проблемы были обсуждены в ряде статей: «К вопросу о картографировании сказки»,¹⁰ «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности»¹¹ и особенно «Современная пинежская сказка».¹² Не просто собирать сказки, но внести в собиранье определенные принципы, так, чтобы перед читателем предстала русская сказка в ее живом бытовании, — вот

⁷ Общую оценку научной деятельности А. И. Никифорова см. в статье: *Костюхин Е. А.* Жизнь и идеи Александра Никифорова // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 5. С. 140—153.

⁸ Частично его собрание было издано много лет спустя В. Я. Проппом (*Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова*. М.; Л., 1961).

⁹ *Никифоров А. И.* Сказка, ее бытование и носители // *Русские народные сказки* / Сост. О. И. Капица. М.; Л., 1930. С. 51.

¹⁰ Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927. С. 60—66.

¹¹ Изв. РГО. Л., 1928. Т. XL. Вып. 1. С. 79—107.

¹² *Етнографічний вісник*. Київ, 1929. Кн. 8. С. 52—96.

чем озабочен Никифоров. Поэтому все классические собрания русских сказок получают у него невысокую оценку: «Все русские сборники сказок дают материал случайный, с точки зрения репертуара или записанного текста».¹³

Главный принцип собирательской работы А. И. Никифорова — поголовное записывание сказок от всех встречаемых без разбора. Он формулирует пять правил, которым неукоснительно следует: 1) записывать от каждого, не выбирая исполнителей; 2) записывать то, что дают, — и тогда первыми оказываются тексты наиболее популярные; 3) запись должна быть фонетически точной; 4) регистрация всего материала, в том числе и не записанного из-за недостатка времени; 5) регистрация и запись всех вариантов.¹⁴ Вопреки всеобщему увлечению «мастерами» (о чем речь впереди), Никифоров заявляет: «...громдный интерес приобретает вопрос о *рядовом, будничном, обычном* исполнителе былины, песни, сказки и т. п.».¹⁵

Казалось бы, изложенная программа должна дать исчерпывающее представление о том, как живет сказка в том или ином регионе. На самом деле собранная Никифоровым огромная коллекция отвечала совсем на другой вопрос — какие сказки известны в определенном регионе. Маленькие девочки и старушки, люди бывалы и люди, никогда не выезжавшие из своей деревни, — всем нашлось место в Никифоровском собрании. Но жила сказка совершенно иначе. Маленькая девочка могла и не быть сказочницей, то есть никогда и никому, кроме собирателя, выпытавшего у нее две-три сказки, ничего не рассказывала. Никифоров старательно регистрировал «дефектные» варианты, поскольку был убежден: «Все без исключения варианты имеют „особенный“ интерес, даже дефектные и разрушенные». Но в реальной жизни «дефектных» сказок никто не рассказывал. Не было «рядовых» исполнителей, а были действительно мастера, на сказки которых был спрос, и в репертуаре у них были «коронные» номера. Зная иногда до нескольких десятков сказок, рассказывали они значительно меньше. Именно мастера, а не случайные рассказчики определяют подлинную жизнь народной сказки. Это, разумеется, не отменяет справедливости другого тезиса Никифорова: «Для фольклориста каждый вариант бесконечно ценен, и чем больше вариантов одного и того же сюжета, тем шире раскрывается исследовательская проблематика и тем прочнее возможные выводы».¹⁶

Пусть не все безусловно в собирательской программе А. И. Никифорова, но она свидетельствовала о том, что наступал новый

¹³ К вопросу о задачах и методах... С. 80.

¹⁴ Сьогочасна пінезька казка. С. 54.

¹⁵ К вопросу о задачах и методах... С. 94.

¹⁶ Проблема сказочного сборника // Советский фольклор. М.; Л., 1936.

этап в истории собирания и изучения фольклорных материалов. Вставал неизбежный вопрос: что мы должны знать о локальной сказочной традиции? Фольклористам прежних лет этот вопрос показался бы странным. Разве мало данных содержит знаменитый очерк Н. Е. Ончукова «Сказки и сказочники на Севере», открывающий сборник 1909 г. «Северные сказки»? Живая сказочная традиция обрисована Ончуковым очень красочно. Однако перед нами талантливый очерк — произведение словесности, но не научное исследование. А в том, что этот замечательный сборник объективно отражает северную сказочную традицию, Никифоров, как мы видели, сомневался.

По мнению Никифорова, назрела необходимость в ревизии принципов издания собранных материалов. Не просто публикация записанных сказок, но тщательный анализ репертуара, картографирование сюжетов, полный свод данных об информантах, включая их половозрастную классификацию, — вот что должно содержать научное издание сказок.

Выступления А. И. Никифорова по проблемам собирательской работы были замечены, но остались невостребованными тогдашней фольклористикой. Социально-политическая обстановка в стране не благоприятствовала фольклористике. После тягот революции и Гражданской войны было не до судеб традиционного фольклора. Собирательская работа продолжалась: братья Б. и Ю. Соколовы с экспедицией Московского университета отправились в поисках былин по следам П. Рыбникова и А. Гильфердинга, А. М. Астахова обследовала многие «эпические заповедники» русского Севера, за сказками поехали на Север А. И. Никифоров и И. Н. Карнаухова. Но собранные ими материалы увидели свет много позже: в 1930-е и даже 1960-е гг. Из всех собирателей лишь Никифоров попытался подвести под практическую работу надежный теоретический фундамент. Увы, говорить о его «школе» не приходится: в 1920-е гг. в своих попытках перестроить всю собирательскую работу он был одинок. Прокламируемые им принципы не нашли последователей и в дальнейшем. Сборники, представляющие локальную традицию, стали появляться в 1930-е гг., но это были по существу антологии, содержавшие лучшие образцы, и на большее они и не претендовали. И впоследствии предложенная Никифоровым программа оказалась слишком громоздкой и трудновыполнимой. Никифоров ратовал за то, чтобы привычным для фольклориста рабочим инструментом стал арифмометр. Но вести скучные подсчеты, возиться с картами никому не хотелось, и сборники локального фольклора продолжали и продолжают печататься по облегченной программе — с характеристикой репертуаров, но без социологических схем и выкладок. И сегодняшняя фольклористика не готова издавать фольклорные материалы по «никифоровской» программе.

Социологический аспект жизни сказки проявляется не только во внимании к специфике репертуара определенного региона и принципах его репрезентации в научных изданиях. Интерес к личности исполнителя является давней традицией русской фольклористики, берущей начало в классических былинных собраниях П. Рыбникова и А. Гильфердинга. Новый поворот старой темы дают работы М. К. Азадовского. Хотя его программная статья о русских сказочниках вышла в свет в 1932 г.,¹⁷ основные ее идеи стали достоянием общественности еще в 1920-е гг.: очерк Азадовского о сибирской сказочнице Винокуровой появился не только на русском, но и на немецком языке. Суть нового подхода к фигуре информанта — в стирании грани между сказочником и писателем. Это давало возможность говорить об индивидуальных стилях сказочников и позволяло анализировать художественное своеобразие сказок на более высоком уровне, чем это делалось прежде. Правда, возникала опасность приписать общие законы сказочного стиля индивидуальной манере того или иного сказочника. Но несмотря на эту опасность, именно такой подход способствовал лингвостилистическому направлению в изучении сказок, о котором скажем чуть позже.

«Школа» ленинградского фольклориста М. К. Азадовского нашла горячих сторонников повсюду, в том числе и в Москве. Даже преданные ученицы Ю. М. Соколова Э. В. Гофман (Померанцева) и С. И. Минц выступили в своих первых работах как явные последовательницы Азадовского (а много позже Э. В. Померанцева признавалась автору этой статьи в том, как идеи Азадовского определили смысл ее многолетней деятельности).¹⁸

Мы отметили опасную тенденцию Азадовского отождествить характерные черты стилистической манеры сказочника и его личность. Пути преодоления этой тенденции настойчиво искал А. И. Никифоров. Он упорно стремился создать типологию сказочников. Никифоров был равнодушен к индивидуальному мастерству, поскольку был убежден, что сказочник всецело принадлежит среде и «творит только волю массы, его породившей». Поэтому нет смысла в изучении стилей отдельных сказочников — перед исследователем стоит задача «установления стилевых типов сказочного текста вообще безотносительно к исполнителю».¹⁹ Никифоров намечает типические стилевые манеры в уверенности: «...возможна попытка характеристики стиля через голову

¹⁷ Русская сказка. Избранные мастера / Сост. М. К. Азадовский. М., 1932.

¹⁸ Гофман Э. В. К вопросу об индивидуальном стиле сказочника // Художественный фольклор. 1929. № 4—5. С. 113—119. Минц С. И. Черты индивидуального и традиционного творчества в сказках о царе Соломоне // Там же. С. 107—112.

¹⁹ Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители. С. 52.

сказочника, отпрavляясь только от текста самих сказок».²⁰ Это и позволило ученому выделить четыре типа сказочников: эпик, забавник, мемуарист и смешанного типа. Недостаточность такой классификации ощущал и сам Никифоров (не говоря уже о том, что последний ее пункт — «смешанный тип» — лазейка, которой можно воспользоваться в любом удобном случае). Поэтому выделенные типы сопровождалась у Никифорова дополнительными характеристиками: «эпик со скупыми проблемскими артистизма», «забавница с элементами артистической театрализованности».

Итак, интерес к индивидуальному мастерству сказочников был обращен к двум сторонам сказковедческой проблематики: социологической, поскольку проливал свет на конкретное проявление трансмиссии сказок, и поэтическое своеобразие жанра. Изучение художественных законов сказки распространилось как на ее стилистику, так и на композицию (выражаясь языком формалистов, фольклористика интересуется тем, как «сделана» сказка). В науке 1920-х гг. эти два аспекта изучения поэтики сказки выступают порознь. Лингвостилистическое изучение сказки открывается статьей Н. П. Гринковой «Сказки Куприянхи».²¹ Авторитет исследовательницы был велик, тем более что она играла видную роль в Сказочной комиссии и выступала с отчетами о ее работе. Исследования по фольклорной лингвостилистике еще только начинались, и Н. П. Гринкова стояла у их истоков. Они наберут силу в последующее десятилетие (А. П. Евгеньева, Р. Р. Гельгардт). О том, что проблема «назрела», свидетельствует и статья А. М. Смирнова-Кутачевского,²² хотя основные ее положения принадлежат не профессиональному лингвисту, а фольклористу-любителю.

Значительно активнее заявили о себе исследователи сюжетосложения сказок. Первое исследование в этом направлении — книга Р. М. Волкова «Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки. 1. Сказка великорусская, украинская и белорусская» (Одесса, 1924). Отдав предпочтение сказкам о невинно гонимых, автор раздробил сказки на множество мельчайших мотивов, дал им алгебраические обозначения (что стало обязательным в работах последующих морфологов) и показал, что они соединяются совершенно прихотливо — словно стеклышки в калейдоскопе. Не обнаружив в этих сочетаниях никаких закономерностей, Волков создал нечто вроде фольклористической игры в бисер. Поэтому критика была единодушна в признании волковской работы творческой неудачей. Так, А. И. Никифоров считал недопустимым разрушение типологии сказочных сюжетов. Главный порок книги Волкова он усмотрел в смешении разных сюжетов. С его точки

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 81—98.

²² Смирнов-Кутачевский А. М. Творчество слова в народной сказке // Художественный фольклор. 1927. № 2—3. С. 71—79.

зрения, сюжеты «отличаются как разные типы специфическими комплексами мотивов для каждого типа, и в этом смысле каждый самостоятелен».²³

Однако и опыт самого А. И. Никифорова нельзя признать удачным. Его небольшая статья «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки»²⁴ вышла одновременно с монографией В. Я. Проппа «Морфология сказки» (Л., 1928). Не имеет смысла рассуждать о приоритете Проппа или Никифорова: одна работа осталась небольшой заметкой, занявшей скромное место в истории фольклористики, другая стала классическим исследованием, переведенным на десятки языков. Проблема не в том, кто произнес первым слово «морфология» (первым был Гете), а в методологии морфологического изучения сказки.²⁵ Скажем кратко: Проппу удалось вывести универсальную формулу волшебной сказки, создать некий единый метасюжет народной сказки. Для Никифорова представление о единой волшебной сказке было глубоко чуждым: сказочный массив явно распадается на множество типов, и у каждого складывается характерный для него комплекс мотивов. Морфологические закономерности при таком подходе явно не вырисовывались, с определением константных типов тоже ничего не получалось, и большая монография Никифорова о морфологии сказки так и не состоялась. Пропп искал в волшебных сказках величины постоянные и нашел их в функциях — типовых поступках действующих лиц. Функция оказалась ключом к пропповской морфологии сказки. Никифоров же как будто все делал для того, чтобы отрезать пути к обнаружению морфологических закономерностей. По его разумению, в сказке есть величины постоянные и переменные. При этом величины переменные «есть просто факт жизни сказки», величины же постоянные — «факт сказочного искусства».²⁶ Выше всего Никифоров ценил живое исполнение сказки, то есть, по его терминологии, величину переменную. Для Проппа система функций составляет арматуру сказки. Никифоров же, бегло отметив постоянство функций персонажа, неизменно отдает предпочтение переменному: «Группировка частных функций главного персонажа и вторичных персонажей в некоторое количество комбинаций по принципу весьма (но не абсолютно) свободных сочетаний и составляет основную пружину сказочного сюжетосложения».²⁷

²³ Изв. ОРЯС АН СССР. Л., 1926. Т. XXXI. С. 367.

²⁴ Сборник ОРЯС АН СССР. Л., 1928. Т. CI. № 3. С. 173—178.

²⁵ См. статью: *Костюхин Е. А.* Две морфологии сказки: В. Я. Пропп и А. И. Никифоров // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. XXX. С. 302—307.

²⁶ Опубликованная в 1934 г. статья была написана одновременно с этюдом о морфологическом изучении сказок: *Никифоров А. И.* Важнейшие стилиевые линии в тексте северной русской сказки // *Slavia*. 1934. Т. XIII. № 1. S. 57.

²⁷ *Никифоров А. И.* К вопросу о морфологическом изучении...

Создается впечатление, будто универсальная морфологическая формула волшебной сказки и не была Никифорову особенно нужна. Любовь к переменному вела к тому, что Никифоров любит тончайшими смысловыми оттенками в вариантах одного и того же сюжета. Там, где сказка развлекала, откровенно смешила и забавляла, Никифоров был исчерпывающе точен и подробен. Такова его большая работа о русских докучных сказках.²⁸

Это стало возможным, потому что в 1920-е гг. резко сместились акценты в изучении сказок. Выдвижение на первый план фигуры исполнителя заставляло смотреть на сказку не как на словесный текст, а текст, специфически исполненный. Манера исполнения определяет и стилистику сказки, конкретное воплощение «текстуры» (хотя термин этот еще не был тогда в ходу).

Такое отношение к сказке во многом проясняет и судьбу историко-географического метода в России. При всем том, что сложился он в Финляндии и получил название «финской школы», начальные его судьбы тесно связаны с русской наукой (хотя бы уже потому, что Финляндия до Октябрьской революции входила в состав Российской империи): А. Аарне печатался не только по-немецки, но и по-русски; в России работал и публиковался крупнейший теоретик историко-географической школы В. Н. Андерсон. Казалось бы, для этого направления в нашей стране был заложен прочный фундамент еще в 1910-е гг.

Однако историко-географический метод, ставший в первой половине XX столетия наиболее авторитетным ответвлением компаративизма, в русской науке 1920-х гг. развития не получил. Единственным верным его адептом остался ученик Андерсона Н. П. Андреев. В развернутой рецензии на «учебник» А. Аарне по сказковедению он популярно изложил основные положения «финской школы».²⁹ В 1929 г. Андреев издал «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», прочно вошедший в обиход не только отечественной, но и мировой науки. И все же при несомненных достижениях финской школы в России, ее признании в Европе³⁰ Н. П. Андреев в 1920-е гг. является одиноком приверженцем этой школы. И не случайно: отношение к тексту как литературному документу, полное отторжение его от особенностей бытования резко противостоят тенденциям, характерным для отечественной фольклористики 1920-х гг. Как мы убедились, едва ли не самым чутким ее барометром был А. И. Никифоров, в деятельности которого отмеченные тенденции нашли едва ли не наиболее полное

²⁸ Опубликовано в украинском переводе // *Етнографічний вісник*. Київ, 1932. Кн. 10. С. 49—105.

²⁹ *Андреев Н. П.* К методологии и технике изучения народной словесности // *Новое дело*. Казань, 1922. Кн. III. С. 17—45.

³⁰ Классическими стали работы: *Andrejev N. P.* Die Legende von den zwei Erzsündern; Die Legende von Räuber Madej: FFC LIY, LXIX.

воплощение. У Никифорова нет ни одной работы, выполненной по принципам «финской школы» (как нет таких работ в тогдашней нашей фольклористике, за исключением Андреева). Свое отношение к «финской школе» он, однако, высказывал неоднократно, прежде всего в рецензиях. Если поначалу Никифоров отзывался о работах ученых историко-географического направления весьма уважительно: «учебник по сказковедению» К. Крона отличается тщательностью методики, основанной на солидной источниковедческой базе, монография В. Н. Андерсона «Император и аббат» — «крупное научное событие», а автора характеризуют изумительная эрудиция, смелость ориентировки в колоссальном материале,³¹ то с годами нарастает критицизм в отношении к методологии «финской школы», убеждение в ее бесплодности (история сюжета — пустопорожный исследовательский жанр, поскольку сюжеты «живут» не по отдельности, а гнездами, а потому прокламируемая «финской школой» методика ведет в тупик: «недостижима постановка вопроса об изучении сказки в мировом масштабе»). Главным же образом школа отвергнута из-за пренебрежения к вопросам живой жизни сказки. А без представления о живой сказочной традиции даже две тысячи монографий об истории сюжетов, выполненных по методике «финской школы», не приоткроют истинной истории сказок.

1920-е гг. демонстрируют, таким образом, как рождение новых школ и направлений в сказковедении, так и появление гипотез и единичных исследовательских опытов, оставшихся интересными заявками на будущие изыскания. Некоторые из них не осуществлены до сих пор и, стало быть, остаются актуальными. Так, в работе, увидевшей свет в 1934 г., но написанной еще в 20-е гг.,³² предпринята попытка описания номенклатуры сказок волшебных и о животных. До сих пор таких работ в отечественной фольклористике нет, так что мы не в состоянии ответить, скажем, на такой элементарный вопрос, как, например, описание жилища в русской народной сказке.

Вообще, многое в изучении русских сказок так и осталось с 1920-х гг. нереализованным. Следующее десятилетие — время сужения исследовательских горизонтов. Новое время — новые песни, новая проблематика. Но рассмотрение сказковедения 1930-х гг. — особая тема, выходящая за рамки нашей статьи.

³¹ Етнографічний вісник. Киев, 1928. № 7. С. 88; Изв. ОРЯС АН СССР. Л., 1926. Т. XXXI. С. 354.

³² Никифоров А. И. Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 377—397.